

Н.В. Подмогильная, Т.П. Ворова

ДИЛОГИЯ ВС. СОЛОВЬЕВА «ВОЛХВЫ» И «ВЕЛИКИЙ РОЗЕНКРЕЙЦЕР» В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКИ

Существующие в настоящее время жанровые концепции романа, в которых прослеживаются наиболее общие тенденции развития жанра, базируются на разных критериях. Однако индивидуальное и неповторимое мастерство самобытного писателя предполагает, как правило, привнесение особых отличий и нюансов, присущих только творчеству конкретного автора.

Целью предлагаемой статьи является исследование специфики жанра дилогии Вс. Соловьева «Волхвы» (1888) и «Великий розенкрейцер» (1889) как попытка уточнения жанровой природы этого романа, что, полагаем, позволит более полно и точно интерпретировать его содержание.

В современном литературоведении, к сожалению, отсутствуют критические или хотя бы обзорные работы о творчестве Вс. Соловьева, следовательно, и вопрос о жанровой специфике едва ли не наиболее значимых в творческом наследии писателя произведений – «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» – также до сих пор не привлекал внимания исследователей. Всеволод Соловьев – неординарная личность и оригинальный мастер слова – словно обречен навсегда остаться в тени своего знаменитого брата, философа и писателя Владимира Сергеевича Соловьева.

Последние десятилетия XX века характеризовались повышенным интересом литературоведов (Е. Маймин, С. Машинский, М. Штерн, А. Еремеев и др.) к русскому философско-художественному наследию, в результате чего были высказаны предположения о существовании нового направления в русской литературе XIX в. – художественной философской прозы, в частности, – жанра философского романа. Исследователи подчеркивают длительное и устойчивое влияние философии на русскую литературу и культуру, что привело к появлению художественной философской прозы как особого синтеза авторского сознания со стремлением передать общественно-значимые и специфически ориентированные на исторические и онтологические проблемы обобщения через частные и индивидуальные явления.

А. Еремеев, к примеру, отмечает, что «объединяющей чертой для всех типов философской прозы служит рефлексивный характер авторского сознания (или сознания повествующего субъекта), такое сознание характеризуется пристальным вниманием не только к объекту воссоздания, но и к самому процессу мышления о нем» [3, с. 18]. Этот тезис о мышлении и сознании как предмете и средстве авторского творчества является фундаментальным принципом русской философской прозы, ориентированной на познание многообразия форм выражения человеческого сознания. В философском романе синтезированная в сознании писателя идея порождает и определяет проблематику произведения, ей подчинены сюжет, композиция, сюжет,

особенности наррации, т.е. все уровни художественного текста фокусируются на изображении эволюции человеческого сознания и многообразии форм его выражения. Идея об идее, ее осмысление через призму сознания писателя для дальнейшего обобщения и укрупнения – вот объект русской философской прозы, и в этом же главное ее отличие от других жанров.

В дилогии «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» не обнаруживаются признаки какого-то уникального, принципиально нового, не встречавшегося ранее жанра, – скорее, Вс. Соловьев обращается к уже существовавшему на момент написания произведения литературному жанру. Он создает философский роман, доминантной в содержании которого является герметическая философия с характерной сакрализацией путей самопознания и саморазвития личности. Персонажи дилогии являются носителями авторских идей об отличном от материалистического мироустройстве, и таким образом утверждается мысль о существовании божественного и человеческого миров, используется мистическое духовное учение в качестве катализатора развития идеи.

Поставленные Вс. Соловьевым-философом задачи в художественном творчестве – конкретизация новых возможных путей формирования структуры личностного сознания, а также активизация подчеркнутого интереса к источникам божественной энергии жизни – обусловили выбор строго определенной формы авторского повествования: мистерии таинств масонской инициации. В ней система специфических знаний эзотерической школы о соответствии универсума и человеческого микрокосмоса транспонируется через жизненный опыт героев, представляя практические аспекты и нюансы духовного учения в структуре художественных образов. Поэтому герои романа, почти лишенные имманентной для беллетристики психологизации, являются статичными образами-символами оккультных идей с определенной заданностью средств выражения по-особому организованной авторской мысли.

Центральный герой дилогии – Юрий Захарьев-Овинов – в отличие от других, социально более конкретизированных героев постигает мир сознанием эзотерика. В нем воплощена идея интеллектуализированной эволюции личности, когда высота достигнутого уровня и стабильность определенных качеств и свойств, возникших как результат интенсивной практической деятельности на базе конкретной духовно-философской эзотерической школы, подтверждается выполнением сложной социальной миссии. Жизненный опыт Захарьева-Овинова в совокупности с опытом других героев представляет целостность сознания самого Вс. Соловьева, и в таком качестве персонажи романа, каждый в особом аспекте, являются двойниками автора и рупорами его идей.

Все образы-символы героев олицетворяют последовательную нерасчлененность звеньев эзотерического учения с акцентированием внимания на наиболее важных его пунктах, среди которых следует выделить семь фундаментальных герметических принципов (ментализма, аналогии, вибрации,

полярности, ритма, причинности, двойственности активного и пассивного начал) [7]. Значительное внимание в диалогии уделяется описанию основ эзотерической теории любви и брака, а также иллюстрации идеи о самосовершенствовании человеческой души и непрерывности процесса ее эволюции, что отображается через введение насыщенных специфической информацией биографических очерков ряда центральных и второстепенных персонажей.

В соответствии с эзотерическими источниками [7; 8], интерпретация произведения в качестве мистического возможна при наличии трех и более уровней его толкования (при существующих семи) – от буквального до метафизического. В связи с этим диалогия может быть интерпретирована как история несчастной любви (модель классического любовного треугольника), описание походов авантюриста, анализ функционирования и влияния на деятельность государства тайных обществ, история эволюции отдельной инкарнированной души и рода, процесс инициации и т. д.

Особый уровень связан с пониманием диалогии как технологии духовного пути [2] – совокупности теоретических знаний и практических шагов их освоения на практике с целью трансформации сознания. В романе «Волхвы» описаны четыре возможные модели или технологии пути: 1) розенкрейцерство с восходящей лестницей иерархии; 2) эволюция личности через практикование магии с ее экстремальной формой «левой руки» и постепенной формой «правой руки»; 3) синтезированная практика Западной и Восточной школ открытого и закрытого сердца; 4) путь религии и веры.

Эволюция личности по модели развития розенкрейцеров показана на примере центрального героя Юрия Захарьева-Овинова. Его биография представлена как жизнь-подвиг, взлет к духовным вершинам из пут материальности и рутины повседневности. Наградой герою за его самоотверженность и преданность идеалам духовности становится посвящение в орден розенкрейцеров и присвоение статуса учителя; его задачей на этом этапе является непрерывное саморазвитие и самоусовершенствование, так как ему предназначено стать высшим управителем ордена, его духовной главой, носителем света Креста и Розы.

Духовное развитие личности посредством магических практик показано на примерах Юрия и графа Калиостро. В диалогии утверждается существование двух полярных направлений в магии, которые отличаются по форме, а также по целям, преследуемым ее адептами. Условно это обозначено как магия «правой руки» (ее представитель в романе – Захарьев-Овинов) и «левой руки» (ее представитель – граф Калиостро). Крайняя опасность «левого» пути подтверждается гибелью Калиостро, в то время как Юрий успешно преодолевает все преграды и достигает предначертанного.

Одним из центральных героев является вожатый Юрия, священник о.Николай. Бинер данных персонажей введен в качестве иллюстрации западной и восточной школ открытого и закрытого сердца. При этом западное

направление характеризуется как путь преобладающего развития интеллекта и ума (Юрий), а восточное – преобладающего развития сердечного духовного центра (о.Николай); их синтезированный вариант представлен как двуединый процесс. Наконец, на примере уже вышеуказанного персонажа – о.Николая – показан путь религии и веры, при этом внимание акцентируется преимущественно на православии в качестве наиболее перспективной формы религии.

В романе «Великий розенкрейцер» представлена масонская посвятительная мистерия, включающая мифологему сакрального брака, которая символизирует соединение божественного и человеческого миров. Для дальнейшего прохождения духовного пути и преодоления встречающихся препятствий главному герою необходимо сделать выбор предпочтительной кандидатуры будущей Небесной Подруги. С этой целью его знакомят с двумя женщинами, представляющих двуединый образ-символ Вечно Женственного: одна из них является олицетворением физической красоты, другая – красоты духовной. Познание Женского Логоса позволяет центральному герою Юрию разорвать путы земной любви плоти и подняться к вершине и высшему синтезу любви божественной – сакральному браку.

Истоки философской основы диалогии Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» прослеживаются в произведениях родоначальников русской философской прозы Любомудров 1820-30гг. (В.Ф.Одоевского, Д.В. Веневитинова, А.А. Бестужева и др.), которые в своих произведениях анализировали действительность как форму бытия и выявляли взаимосвязь между разрозненными явлениями реальной жизни. Произведениям Любомудров присущи аллегоризм и многоплановость толкования представленной символики.

Как и его предшественники, Вс. Соловьев также объединяет философский метод познания с художественной образностью; следуя традициям Любомудров, он предпочитает схематизм и статичность художественных образов динамике углубленного психологизма, вводя тем самым определенные предпосылки к теоретическому обоснованию представляемой им философской доктрины.

Поиски возможных литературных предшественников диалогии «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» Вс. Соловьева приводят к достаточно популярному в XIX в. жанру романной мистерии; в ряду авторов, разрабатывавших в свое время указанный жанр, назовем имена В. К. Кюхельбекера, И. С. Тургенева, А.К. Жуковского, А.К. Толстого и др.

Среди возможных философских источников может быть указана работа Гете «Поэзия и правда»: анализируемой диалогии Вс. Соловьева присуще такое же сочетание двух временных линий (прошлого и настоящего) для осознания жизни, какое было характерно для авторской позиции немецкого просветителя. Использованный Гете метод синтеза фактического материала с его последующим поэтическим обобщением с целью получения художественного

отражения бытия характерен и для исследуемого произведения Вс. Соловьева.

И, конечно же, нельзя обойти вниманием шедевр мировой литературы – «Фауста» Гете, произведение, насыщенное многоуровневой символикой эзотерического характера. «Инициация как путь духовного восхождения личности – существенная часть содержания почти любого литературного шедевра, у Гете же она оригинально обработана в духе масонской символики», – подчеркивается в работе российских литературоведов Л.М. Левиной и И.Б. Казаковой [4, с. 81].

Прослеживаются следующие совпадения символики в «Фаусте» Гете и дилогии Вс. Соловьева: жизнь главного героя как путь духовного восхождения и его инициация/посвящение, преодоление испытаний, познание Вечно Женственного, встреча проводника, сакральное бракосочетание, обретение бессмертия, выполнение миссии. Наблюдаются и совпадения тем второстепенного плана: строительство человечеством символического храма, преодоление четырех стихий во время посвящения, прохождение обязательной стадии ученичества, разочарование героев в академической науке и некоторых других.

Специфика насыщенного эзотерической символикой философского произведения Вс. Соловьева проявляется в соответствующих носителях авторского индивидуального стиля и стилеобразующих факторах, в частности, нумерологическом принципе: соединении разрозненных фрагментов в общую картину единого целого с использованием числовой основы.

Отметим предпочтительное использование чисел 4 и 8 в качестве главного композиционного принципа, а также доминирующего принципа в структуре системы персонажей. В каждом из двух романов дилогии по четыре части (всего – восемь частей); четверо главных и четверо второстепенных мужских персонажей (всего – восемь); четыре главных и четыре второстепенных героини (всего – восемь); четыре члена высшего совета ордена розенкрейцеров; четыре стихии необходимо преодолеть герою во время посвящения и т. д. Таким образом, нумерологический ряд в качестве шифрованного языка символов может нести следующие возможные значения: земное бытие (4) и гармония человеческого и божественного миров (8) указывают на единство космоса в человеке.

Для характеристики персонажей используется принцип контраста: контрастны образы главных героинь, контрастны идеалы центрального героя в первом и втором романах дилогии, контрастны в своих жизненных ценностях проводник и его супруга, контрастно отношение к учителям-розенкрейцерам в начале дилогии и в момент ее завершения и т. д.

Предметная изобразительность в дилогии позволяет вычленить определенные стилевые доминанты, реализующиеся, в частности, в портретной нюансировке: «жутко-блестящие» глаза Юрия, «теплый», «приветливый» взгляд проводника, мудро-доброжелательная «матушка-государыня»,

«кристально-чистая» красота духа юной весталки и т. д. Наконец, отметим использование в диалогии таких символических деталей в обрисовке характеров, как «счастье», «брак» и брачная атрибутика, «свет и тепло» вожакого и противоположные ему «свет и холод» главного героя, которые являются сквозными в романе.

Таким образом, диалогия Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер», по нашему мнению, является философским романом-мистерией, истоки которой следует искать в прогрессивных художественных начинаниях Любомудров и их последователей, способствующих проникновению философии в искусство, а также в шедевре эпохи Просветительства – «Фаусте» Гете. В анализируемом романе Вс. Соловьева отмечается использование нумерологического принципа как архитектурной доминанты, принципа контраста как стилеобразующего, а также характерных деталей-символов как сквозных в повествовании.

Л и т е р а т у р а:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Беленицкий Л.М. (Свами Матхара). Технология Пути. – К.: Ника-Центр, 1998. – 512 с.
3. Еремеев А.Е. Русская философская проза. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – 188 с.
4. Левина Л.М., Казакова И.Б. «Фауст» Гете и эзотерическая традиция европейских «тайных обществ»//Вопр. филологии. – 2002. – № 1(10). – С.77–81.
5. Соловьев Вс. Волхвы. – М.: Эврика, 1991. – 448 с.
6. Соловьев Вс. Великий Розенкрейцер. – М.: МАР, 1991. – 304 с.
7. Странден Д. Герметизм. Его происхождение и основные учения. – М.: Беловодье, 2001. – 150 с.
8. Шмаков В. Священная книга Тота. Великие арканы Таро. Абсолютные Начала Синтетической философии эзотеризма. – К.: София, Ltd., 1993. – 510 с.

АННОТАЦИЯ

Подмогильная Н.В., Ворова Т.П. Диалогия Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» в аспекте жанровой специфики.

В статье рассматриваются романы малоизвестного русского писателя конца XIX в. Всеволода Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер», ранее не изучавшиеся в отечественном литературоведении. Единство героя и сюжетная связанность, история создания и авторский замысел названных произведений позволяют говорить об этих двух романах как о диалогии, как о философском романе-мистерии, генетически восходящем к художественной

практике любомудров. Цель статьи состоит в анализе этих романов как художественно-эстетического единства.

Ключевые слова: жанр, философский роман, Вс. Соловьев, эзотеризм, нумерологический принцип.

АНОТАЦІЯ

Підмогильна Н.В., Ворова Т.П. Дилогія Вс. Соловйова «Волхви» та «Великий розенкрейцер» в аспекті жанрової специфіки.

У статті розглядаються романи маловідомого російського письменника кінця XIX ст. Всеволода Соловйова «Волхви» та «Великий розенкрейцер», які раніше не досліджувалися у вітчизняному літературознавстві. Єдність героя та сюжетна зв'язаність, історія створення й авторський задум названих творів дозволяють говорити про ці два романи як про дилогію, як про філософський роман-містерію, що генетично походить від художньої практики любомудрів. Мета статті полягає в аналізі цих романів як художньо-естетичної єдності.

Ключові слова: жанр, філософський роман, Вс. Соловйов, езотеризм, нумерологічний принцип.

SUMMARY

Pidmogylna N. V., Vorova T. P. Dilogy «Magicians» and «Great Rosenkreuzer» by Vs. Solovyov in the aspect of its genre specific character.

Not studied earlier in native literary criticism the novels «Magicians» and «Great Rosenkreuzer» by Vs. Solovyov, insufficiently known writer of the end of the XIX century, are regarded in the article. Unity of the hero and connection of the plot, history of the creation and author's conception of the mentioned literary works allow to entitle these two novels as the dilogy and philosophical novel-mystery, genetically going back to the artistic practice of the "lyubomudry". The aim of the article is analyzing of these novels as artistic and aesthetic unity.

Key words: genre, philosophical novel, Vs. Solovyov, esoterism, numerological principle.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Гусевым В.А.